

Q

319

848

В. ПОПОВ-ШТАРК

Я $\frac{319}{848}$

**ФЕДОР
МАТЮШКИН**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
1940

В. ПОПОВ-ШТАРК

Я $\frac{319}{848}$

ФЕДОР МАТЮШКИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД • 1940 • МОСКВА

Обложка художника Н. Г. Борисова

2007079506

Федор Федорович
МАТЮШКИН

1877

К Н И Г А И М Е Е Т

Печатн листв	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1955
-----------------	--------	---------------------------------------	--------	------	----------	----------------	------------------------------	------

2

1 81 32

627/16—250 тыс.

1825

no

by

Мало кто знает имя русского полярного путешественника Ф. Ф. Матюшкина. Если кто и слышал о нем, то лишь как об одном из лицейских товарищей Пушкина.

Матюшкин был единственным из лицеистов первого выпуска, почувствовавшим влечение к морю и избравшим себе путь моряка.

Пушкин в стихотворении „19-го октября 1825 года“ писал, имея в виду Матюшкина:

Счастливым путь! С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

По свидетельству Я. Н. Грота, Матюшкин был одним из товарищей, к которым и в лицее и по выходе из него великий русский поэт питал неизменную дружбу.

Последняя их встреча была у бывшего лицеиста М. А. Яковлева в день его именин — 8 ноября 1836 года. Через два с половиной месяца после этой встречи великий поэт лежал в гробу. Матюшкин, служа в Черноморском флоте, находился в Севастополе. Получив известие о трагической гибели любимого друга, он писал Яковлеву:

„Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как мог ты это допустить? Наш круг редет. Пора и нам убираться“.

Ф. Ф. Матюшкин родился в 1799 году в Штутгарте, где отец его служил советником русского посольства. Рано осиротев, мальчик получил первоначальное обра-

зование в пансионе при Московском университете, а потом опекуны устроили его в 1811 году в только что открытый царскосельский лицей.

Матюшкин обладал хорошими способностями, был прилежен, отличался застенчивостью и молчаливостью. Товарищи любили его. Для лишенного семьи Матюшкина круг лицейских товарищей стал второй семьей. Матюшкин высоко ценил дружбу своих сверстников и всегда с любовью вспоминал все мелочи лицейского периода, тем более что дальнейшая жизнь его была одинока: он остался на всю жизнь холостяком.

Еще в лицее Матюшкин увлекался описаниями путешествий. Скоро им овладела неутолимая жажда к странствованиям. Федор Матюшкин решил стать моряком. По окончании лицея он обращается за содействием к директору Энгельгардту. К счастью, как раз в эту пору в Петербурге снаряжалась кругосветная экспедиция на шлюпе „Камчатка“ под начальством прославившегося еще по первому своему кругосветному плаванию на шлюпе „Диана“ капитана второго ранга Василия Михайловича Головнина. При содействии Энгельгарда Матюшкину посчастливилось попасть волонтером на 33-пушечный шлюп „Камчатка“.

Плавать под командой капитана Головнина считалось большой честью и для окончивших морской корпус, а для штатского, каким являлся лицеист Матюшкин, — и подавно.

Два года и десять дней (1817—1819) находился в кругосветном плавании шлюп „Камчатка“.

Среди судового списка „офицеров, нижних чинов и пассажиров, во все время путешествия находившихся на шлюпе“, значились следующие лица:

мичман Федор Литке, впоследствии начальник экспедиции для исследования Новой Земли,

Фердинанд Врангель, позже также начальник экспедиции, занимавшейся исследованием полярных земель, и коллежский секретарь Федор Матюшкин.

Замечательное совпадение! В образцовой морской пловучей школе, какой являлся шлюп Головнина, сошлись и подружились три молодых человека, ставшие впоследствии выдающимися полярными исследователями: Литке, Врангель и Матюшкин.

В начале второго года плавания, видя старание юного „коллежского секретаря“ выучиться морскому делу, Головнин „возложил на него исполнение обязанностей мичмана“.

Так Матюшкин из пассажира и коллежского секретаря превратился в моряка, всецело отдавшегося избранной им профессии.

К сожалению, Матюшкин не любил писать. Он не создал ни одной книги о своих многочисленных плаваниях, в то время как Литке и Врангель оставили замечательные описания своих путешествий. Правда, после смерти Матюшкина среди его бумаг найден дневник, который он вел, находясь в плавании на „Камчатке“. Но научная ценность этого дневника невелика. Его страницы наполнены юношескими восторгами морем, перемешанными с жалобами на морскую болезнь. Скоро Матюшкин прекратил вести и этот дневник. И его жизнь и дела так и остались бы неизвестными, если бы, к счастью, нам в наследие не остались его рапорты по начальству, связанные с исследовательскими походами по Чукотке, относящимися к 1820—1824 годам. Эти рапорты написаны очень обстоятельно и содержат так много живых и умных наблюдений над жизнью народов Крайнего Севера Сибири, над ее природой, что дают возможность представить себе личность этого несправедливо забытого полярного исследователя.

ПУТЬ В АРКТИКУ

Уже через полгода по возвращении из кругосветного плавания на шлюпе „Камчатка“, весной 1820 года, мичман Матюшкин был назначен в экспедицию, отправлявшуюся под начальством лейтенанта Ф. Врангеля „для исследования и точнейшего определения берегов Северного Ледовитого океана, а также для отыскания предполагаемых земель к северу от Шелагского мыса“.

Лейтенант Врангель знал, кого он привлекал к большому, серьезному и ответственному делу. Он сам хлопотал о том, чтобы Матюшкин, находившийся на отличном счету во флоте, был прикомандирован к нему.

Экспедиция эта была береговая, без участия морских судов, и состояла из двух групп. Одной группе, под командой Врангеля, поручалось, выйдя из устья Колымы, обследовать и произвести съемку берегов океана от Индигирки до залива Колючинского, с возможно дальним проникновением по морскому льду к северу для отыскания проблематической Земли Андреева, другой, под начальством лейтенанта Анжу, предстояло по выходе из устья Яны обследовать группы островов Котельного, Фадеевского, Новой Сибири и сибирского побережья от Индигирки до Оленека.

В отряде Врангеля состояли: мичман Матюшкин, штурман Козьмин (тоже участник плавания на шлюпе „Камчатка“), врач и натуралист Кибер, слесарь Иванников и матрос Нехорошков.

Оба отряда экспедиции отправились из Петербурга в Сибирь 23 марта 1820 года, разъединившись в Москве: Врангель и Матюшкин, желая использовать еще санный путь, отправились вперед, а Анжу остался до установления летнего пути.

Поехали они налегке, с одними чемоданами, на перекладных. При приближении к Уралу путников застигла весенняя распутица. Разливы рек крайне замедляли путешествие. От Москвы до Иркутска моряки встречали несколько раз весну и зиму. Так, в Казани зеленели деревья, луга пестрели цветами, а на высотах и в долинах Уральских гор лежал еще глубокий снег.

В Иркутске моряки явились к тогдашнему генерал-губернатору М. М. Сперанскому. Тот вызвал находившегося в ссылке полярного исследователя Геденштрома, посетившего в 1811—1812 годах Ляховские и Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана. Сведения, данные Геденштромом, оказались весьма важными и полезными: он рассказал о тяжелых условиях передвижения в Колымском крае. Поэтому Врангель отправил Матюшкина вперед, для устройства в Нижнеколымске экспедиционной базы.

В начале ноября, преодолев 11 тысяч верст, Матюшкин достиг бедной рыбацкой деревни — Нижнеколымского острога, который и стал опорным пунктом экспедиции.

Несмотря на предписания якутских властей, здесь ничего для экспедиции приготовлено не было. Такую неподготовленность нижеколымский исправник объяснил тем, что ему-де казалось „невероятным“ прибытие из Петербурга экспедиции в нынешнем году — столь глухим краем была тогда Колымская область.

Матюшкину пришлось все заботы взять на себя. Он закупил у местных жителей и уложил в снежный погреб запас рыбы для людей и собак, по его распоряжению и под его надзором, при жестоких морозах, была возведена над домом „штаб-квартиры“ башня для астрономических наблюдений. Успел Матюшкин съездить и к устью Колымы, чтобы собрать там сведения о размерах осенних рыбных промыслов.

Исследовательскую деятельность Матюшкина на Чукотке в 1820 — 1824 годах можно разделить на четыре периода:

- 1) поездка в местечко Островное на Малом Анюе с целью завязать дружеские отношения с чукчами — воинственным кочевым народом Крайнего Севера Сибири;

- 2) путешествие к востоку от Колымы до Чаунской губы;

- 3) плавание на плоту по Малому Анюю;

- 4) четырехкратные рейды в океан по морскому льду для отыскания неведомой земли.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЧУКЧАМИ

Однажды в Нижнеколымск дали знать, что в Островное прибыло 26 семейств чаунских и приморских чукчей и что вслед за ними должны прибыть чукчи, кочевавшие у Берингова пролива.

Известие это обрадовало приказчиков, поджидавших прихода чукчей, и они поспешили в Островное в надежде хорошо поторговать. Вслед за ними отправились на двух нартах и Матюшкин с казаком и якутом, знавшим язык чукчей.

Матюшкин желал познакомиться с чукчами, закупить у них моржовые ремни и китовые ребра для упряжки нарт и, наконец, установить с ними мирные и дружеские взаимоотношения. Чукчи тогда относились к рус-

ским недоверчиво, помня насильственные поборы казаков-завоевателей.

Через четыре дня, проделав 250-верстный путь на собаках, Матюшкин прибыл в Островное, расположенное на одном из островов, образуемых Малым Анюем. Поселок состоял из полуразвалившейся церковки и 30 домов с бревенчатым острогом эпохи завоевания Восточной Сибири казаками.

Островное кишело съехавшимися на Чукотскую ярмарку сибиряками. Острог и убогие домики, с трудом отрытые ради такого торжественного события из-под снега, чернели на ослепительно белом фоне. Возле станов с нартами, окруженными людьми, пылали жаркие костры, посылая в темноголубое полярное небо, усеянное звездами, прямые столбы дыма, пронизанные яркими красками. Казалось, именно в этих кострах рождались звезды и, поднимаясь по дымовым столбам в неподвижном морозном воздухе, располагались в стройном порядке по небесному своду. Необычайность картины увеличивалась красными и зеленовато-белыми как бы парчевыми складками северного сияния. Они бесшумно колыхались по краям горизонта и отбрасывали на все видимое пространство какой-то неземной свет. Сказочность обстановки дополняли тускло светившиеся ледяные оконца жилищ, до отказа набитых приезжими.

Стойбище чукчей находилось на маленьком острове, неподалеку от места торгога. Оттуда доносились глухо звучащие удары шаманских бубнов, которые покрывал надрывный многоголосый вой нескольких сот ездовых собак. Чукчи расположились девятью отдельными станами, каждый старшина рода со своими домоладцами особо.

Предметами торгога чукчей были меха лисиц, песцов, куниц, выдр, бобров, медвежьи шкуры, вымененные ими на Аляске. Из собственных изделий и охотничьей добычи чукчи доставили санные полозья из китовых ребер, мешки из тюленьей кожи и моржовую шерсть.

Русские для меновой торговли приготовили деревянные полозья для нарт, котлы, топоры, ножи, огнива, иглы, медную, жестяную и деревянную посуду, разноцветный бисер, табак, трубки и спирт.

В день открытия торго на одной из башенок острога был поднят флаг. „Тогда чукчи, — рапортует Матюшкин, — вооруженные копьями, луками и стрелами, в порядке стали приближаться к острогу и на косогоре расположили свои сани с товарами в виде полукружия. Русские помещались на противной стороне и с нетерпением ожидали колокольного звона, означавшего позволение начать торг. С первым ударом колокола, казалось, какая-то сверхъестественная сила охватила русскую сторону и бросила старых и молодых мужчин шумною беспорядочною толпою в ряды чукчей: каждый старался опередить других, спешил первым подойти к саням, чтобы захватить там лучшее и сбыть повыгоднее свои товары. Обвешанные топорами, ножами, трубками, нитками бисера, таща в одной руке тяжелую кладь с табаком, а в другой чугунные котлы, купцы перебежали от одних саней к другим, торговались, клялись, превознося свои товары. Крик, шум и толкотня выше всякого описания. Иной второпях оступится и упадет в снег. Другие спешат через него. Он теряет шапку, рукавицы и с непокрытой головою и голыми руками, несмотря на 30-градусный мороз, бежит дальше, стараясь усиленной деятельностью вознаградить потерянное время“.

„Странную противоположность с суетливостью русских составляют спокойствие и неподвижность чукчей. Они стоят, облокотившись на копья, у своих нарт и вовсе не отвечают на красноречие „противников“. Если торг кажется им выгодным, то молча берут они предлагаемые предметы и отдают свои товары. Такое хладнокровие и обдуманность, составляющие отличительную черту характера чукчей, дает им в торге большое преимущество перед русскими... Здесь имел я случай удивляться верности, с какою чукчи, не зная вовсе весов, просто рукою отгадывают тяжесть предмета и в двух пудах замечают недостаток двух, даже одного фунта“.

Матюшкин воспользовался ярмаркой, чтобы сблизиться с родовыми чукотскими старшинами и предупредить их о своем намерении посетить Чукотскую землю. Свидание состоялось в присутственном месте — в остроге. Явились старшины с Шелагского мыса, с Чаунской губы и из других мест.

Угостив и одарив их табаком, Матюшкин объявил, что русским правительством ему поручено осмотреть берега Ледовитого моря для того, чтобы найти легчайший путь привозить русским и чукчам на кораблях табак, железо и другие необходимые товары. Для этого ему придется приближаться к их кочевьям и даже пересекать их, но он надеется, что это не послужит причиной недружелюбных действий с их стороны, и предлагает им дружбу и щедрую оплату за все услуги, которые могут от них понадобиться.

Старшины заверили русского моряка, что не только примут его дружески, но и окажут всяческую помощь. Как бы в подтверждение своих добрых намерений старшина Камакай пригласил Матюшкина посетить их народные игрища, устраиваемые по поводу ярмарки недалеко от острога.

На это редкое зрелище собрались, конечно, все местные жители и все приезжие. Игры состояли из гонок оленьих упряжек и состязаний в пешем беге. Призом победителей являлись бобровый и песцовый мех и пара великолепных моржовых бивней.

Несмотря на глубокий снег и свою тяжелую мешкообразную меховую одежду, придававшую чукчам неуклюжий вид, участники пешего бега на пятнадцать верст проявили такую ловкость и проворство, что вызвали бурный восторг как у русских, так и у своих сородичей.

Особо поразили собравшихся необыкновенная быстрота упряжного бега оленей и мастерское управление ими чукчей.

Матюшкин, с интересом наблюдавший игрища, закончившиеся раздачей призов и угощением их участников вареной олениной, отмечает замечательное спокойствие и порядок среди чукчей не только во время игр, но и при угощении: „не замечалось ни толкотни, ни споров, и каждый из них вел себя тихо и благопристойно“.

Побывали чукчи и в гостях на квартире русского моряка в остроге. Он угощал их чаем с леденцами, баранками и табаком. Женщины, польщенные ласковым приемом хозяина, устроили пляски: пятнадцать закутанных в неуклюжие, широкие меховые платья чукчанок медленно топтались на месте, едва передвигая ноги и

размахивая руками; они не привели Матюшкина в то восхищение, которое вызвал этот танец среди самих гостей.

Чукчи ушли в наилучшем расположении духа, приглашая Матюшкина приезжать к ним в тундру.

На шестой день увеселения окончились. Чукотские старшины перед отъездом в обратный путь пришли к Матюшкину проститься, после чего шестью караванами, окутанными облаками пара, потянулись на восток, а приезжие русские направились во-свояси.

Островное опустело. Погас свет в ледяных окнах. Остыли черные на белом снегу угли кострищ. Лишь небесный свод попрежнему мерцал бесчисленными звездами, да зеленоватые занавеси сполохов бесшумно колыхались по краям горизонта. Смолкло недавнее и недолгое оживление. Жители вновь забрались в свои тесные жилища. Свежий снег стал засыпать следы недавнего многолюдья, на смену которого явились из тундры стаи голодных песцов, с жадностью уничтожившие все кости и остатки, валявшиеся горами вокруг домов и станов. Островное погрузилось в сонное оцепенение до следующей ярмарки через два года, а Матюшкин вернулся в Нижнеколымск, унося в своей памяти необычайную картину полярного торжища.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО БОЛЬШОМУ АНЮЮ И МАЛОМУ АНЮЮ

— 20 июля 1821 года Матюшкин с доктором Кибером, казаком и двумя проводниками отправился к устью Большого Анюя, впадающего несколькими рукавами в Колыму против Нижнеколымского острога. Нагрузив карбас всем необходимым для путешествия, пошли на веслах вверх по Большому Анюю. Берега реки были однообразны и пустынные, но чем дальше, тем они становились круче, скалистее, а растительность их разнообразнее: в долинах встречались душица, богородская трава, а местами и низкорослый кедр, забько прикрывающий от холодов свой ствол спущенными ветвями.

На третий день карбас, свернув по протоке в Малый Анюй, достиг урочища Плотбища, где стада диких

олений переправлялись обычно в это время вплавь через реку. Местное юкагирское население, терпевшее голод, да и приплывшие сюда на ветках¹ русские с робкой надеждой ожидали появления оленей, кто в наскоро построенных землянках, кто под открытым небом: от этого промысла зависело существование всего населения края, так как осенний улов рыбы был незначителен.

Время переправы оленей через Аниой представляло здесь то же, что для земледельцев умеренной полосы жатва, а для южан—сбор винограда. Олени мигрировали дважды в год: весной—из лесов в ягельные северные тундры, спасаясь от жалящего гнуса, и осенью, при возвращении под зимнюю защиту лесов. Отъевшись за лето, они были нагуленными и жирными.

Такую охоту на оленей на переправе Матюшкин и наблюдал во время этого путешествия.

Для переправы олени обыкновенно спускаются к реке по руслу высохшего или маловодного протока, выбирая место, где противоположный берег отлог.

Сначала весь табун сбивается в сплошную массу, а вожак выходит вперед, поднимая высоко голову и внимательно осматривая условия переправы. Убедившись в безопасности, вожак бросается в воду и плывет наискось течения реки. За ним кидается весь табун, и в несколько минут поверхность реки покрывается живым лесом оленьих рогов. Тогда в погоню за ними устремляются охотники, скрывавшиеся до той поры в лодках с подветренной стороны под нависшими над водой кустарниками, за кронами наклонившихся деревьев и за камнями. Двое-трое опытных охотников, вооруженные длинными копьями, врезаются в массу плывущих оленей и стараются отрезать отдельные косяки, коля направо и налево. Обыкновенно бывает достаточно одного удара, чтобы нанести животному смертельную рану. Но погонка оленей сопряжена с большой опасностью: самцы яростно кусаются, бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскинуть передние ноги в лодку, и если им удастся опрокинуть лодку, то гибель охотника почти неизбежна. Спаситься в таком случае можно лишь

¹ Род лодки.

вцепившись в загривок нераненого животного и выбравшись вместе с ним на берег.

Хороший опытный охотник менее чем в полчаса накалывал до сотни и более оленей. По существующему обычаю, только убитые в реке животные составляли общую собственность, доплывшие же до другого берега раненые принадлежали добившему их охотнику.

„Оленья охота на переправе, — пишет Матюшкин, — представляет нечто необыкновенное. Шум нескольких сот плывущих оленей, болезненное харканье раненых и издыхающих, глухой стук сталкивающихся рогов, обрызганные кровью покольщики, крики и восклицания других охотников, старающихся удержать табун, обогренная кровью поверхность реки — все это вместе составляет картину, которую трудно себе вообразить“.

Неудавшуюся оленью охоту Матюшкин наблюдал в местечке Лабазном. Здесь люди тоже напряженно ожидали переправы оленей. Приход оленей был единственной темой разговоров собравшегося населения. И вот, на правом берегу реки, против Лабазного, показался бесчисленный табун, покрывавший все прибрежные высоты. Ветвистые рога животных колыхались подобно зарослям сухого кустарника под порывами ветра.

Все пришло в движение. Радостное ожидание обильной охоты оживило осунувшиеся лица собравшихся. Удача промысла была несомненна.

Но вдруг раздались вопли: „Олень пошатнулся!“ И действительно, напуганный многолюдием, табун дрогнул, отпрянул от берега и скрылся в горах...

„Ужасна была картина всеобщего уныния и отчаяния, женщины и дети стонали громко, другие бросались на землю и с воплями взрывали снег, как будто приготовляя себе могилу. Старшины и отцы семейства стояли молча, неподвижно, устремив безжизненные взоры на те возвышенности, за которыми исчезла их надежда“.

Продолжая свое путешествие по извилинам Малого Анюя, Матюшкин в середине августа достиг горы Обром. Он решил взобраться на вершину горы, чтобы познакомиться с физико-географическим ландшафтом этой части страны.

В сопровождении встреченного им эвенка, согласившегося сопровождать его, через три часа подъема оленьими тропами они достигли снежной вершины Оброма.

Багровые лучи солнца — предвестники приближающейся бури — окрашивали верхушки гор розовым светом, кругом виднелись бесчисленные радуги. Местами, подобно островам среди океана туманов, торчали черные обнаженные зубчатые вершины утесов.

И вдруг налетел сильный порыв восточного ветра. Он завыл в ущельях, за клубились, поднялись гигантскими столбами к небу песок и снег. Разразилась горная выюга. Лишь к ночи по более отлогому склону горы Матюшкин с проводником спустился к реке, где стоял его пловучий дом-карбас.

Так как горный хребет Обром являлся конечной географической точкой этого путешествия, Матюшкин решил возвратиться в Нижнеколымск, несколько изменив свой прежний маршрут для большего охвата исследуемой местности.

На протяжении всего 70-дневного путешествия Матюшкин вел маршрутную съемку пройденного пути, делал геологические сборы, а спутник его, доктор Кибер, оказывал медицинскую помощь местному населению. Часть обратного пути, когда встали реки, им пришлось сделать на собачьих упряжках.

К ЧАУНСКОЙ ГУБЕ

Летом следующего 1822 года, в конце июня, начальник экспедиции поручил Матюшкину пройти и сделать опись области, лежавшей к северо-востоку от Колымы. В компании купца Бережного, собравшегося с выючным караваном к Чаунскому заливу для поисков мамонтовой кости и меновой торговли с чукчами, Матюшкин отправился в путь.

Двигаясь все время на восток, путники часто были принуждены переправляться через быстрые ручьи и пробираться сквозь непролазную тайгу. Однажды, при переправе через небольшой ручей, они заметили огромный мамонтовый бивень, торчавший со дна. Судя по

его размерам, в нем было не менее двух с половиной пудов. Но за отсутствием пешней извлечь его из донного льда, в который он прочно вмерз, не удалось, и ценную находку пришлось оставить на месте.

Пробираясь через густой лес, путники увидели воздушное юкагирское кладбище, устроенное на сучьях величественных лиственниц. О древности захоронения говорили плахи гробов, носившие следы обработки каменным орудием.

Берега реки Погындены, которых удалось достигнуть каравану, представляли уже совершенно иной край с другим климатом: вместо однообразных серо-пепельных лиственниц и беспрерывных топких болот, здесь они увидели прекрасные зеленые лужайки, высокоствольные деревья, высокие берега, покрытые душистыми травами, а множество дикого лука дало приятную приправу к пище путешественников.

Отсюда караван направился к северу. На этом этапе они пересекли реку Филатову, протекающую между горными цепями, и достигли Шероховатого Камня, после чего подошли к реке Федотихе.

Здесь кончался высокоствольный лес и начинался ивовый кустарник, переходивший постепенно в стелющийся ерник. Близость океана давала себя чувствовать ледяными порывами ветра, туманом и снегопадом. На реке Березовой путешественникам выпала удача: Бережной снова нашел мамонтовый бивень, который на этот раз удалось извлечь из прибрежного откоса, а Матюшкин подстрелил жирного лебедя. Моряк считал эту добычу более ценной, чем находку своего спутника, потому что их запасы уже истощились и состояли из небольшого количества сухарей.

На следующий день им повезло еще больше: рано утром на привале их разбудил громкий крик стада диких гусей, плескавшихся невдалеке в озере. Это были линные гуси, не способные летать; собаке удалось их выгнать на берег, и людям каравана представился случай набить палками 75 птиц. Этот вид гусиной охоты, в сущности, мало чем отличался от массовой поволоки оленей.

Пополнив запасы гусятиной, караван отправился дальше. Матюшкин, пользуясь благоприятной погодой,

спешил достигнуть морского берега. Взяв полуденную высоту солнца, он нашел, что они всего в 5 верстах от моря. И действительно, переправившись на правую сторону реки Березовой и перейдя цепь невысоких холмов, они увидели море.

„Твердый, блестящий, белый лед, — говорит Матюшкин, — покрывал море до краев горизонта, и только в заливах была вода. Ночью сильный ветер развел волнение и выбросил на берег огромные льдины. Холод был весьма чувствителен“.

Далее путь каравана на восток продолжался вдоль побережья. Обходя болотистые устья многих ручьев и рек, впадавших в море, и занимаясь по пути гусиной и песцовой охотой, путешественники наткнулись на кладбище ископаемых животных: все пространство от подошвы земляного холма до самого морского берега, на расстоянии полуверсты, было усеяно костями.

Бережной, конечно, обрадовался этому открытию, надеясь, что тут-то он насобирает мамонтовой кости. Но оказалось, что здесь давно уже побывали промышленники и все бивни выбрали.

Тогда, возложив надежду на торговлю с чукчами, купец отправился разыскивать их стоянки.

Продолжая двигаться дальше, караван очутился, наконец, на холме, с которого в расстоянии верст ста на восток показались высокие горы Вайваннин, Гейла, Раутан и Шелагский мыс. Островерхие утесы, обрамлявшие восточные и южные берега Чаунской губы, ясно рисовались на горизонте, и Матюшкин мог запеленговать некоторые из них. Приближаясь к Чаунской губе, путники были свидетелями замечательного атмосферного явления, характерного для полярных стран.

Вот как описывает его сам Матюшкин: „С самого утра дул сильный восточный ветер. В полдень показалось прекрасное небесное явление, и проводники наши сочли его за предвестие непогоды: около солнца появились четыре побочных солнца, соединенных между собою радугами ярких цветов.“

Кроме того, через само солнце и через два побочных проходила горизонтальная радуга, длиною около 80°, а на оконечностях ее стояли перпендикулярно

к горизонту две небольших радуги с обратными, весьма слабыми цветами. Явление продолжалось два часа и потом исчезло. Ветер мало-помалу стих, а с тем вместе пошел снег и началась метель“.

Едва исчез этот чудесный мираж Арктики, как путешественники натолкнулись на небольшое обсохшее озеро. На дне его лежал довольно толстый и гладкий слой льда, а на высоте от 4 до 6 футов над ним находился другой, пространство же между ними было пусто. Верхний слой был покрыт землею, на которой росла трава и местами стлался даже ерник. Тут Матюшкину естественно вспомнился случай, рассказанный ему начальником экспедиции Врангелем.

Когда тот ехал так же караваном через Якутию, направляясь к Нижнеколымску, ему пришлось следовать узкой долиной вдоль берега реки Догдо, впадающей в Яну. Осматривая окрестности, Врангель отстал от своих спутников, намереваясь догнать их по прямой дороге, казавшейся ему короче. Она вела через реку, по льду. Но едва отъехал он несколько шагов от берега, как лед проломился и лошадь исчезла под льдом... Несмотря на тяжелую шубу, Врангелю удалось во-время перескочить на твердый панцырь реки и пешком перейти на другую ее сторону.

Лошадь не показывалась из воды, и он полагал, что животное погибло. Но якуты-проводники, заметив его несчастье, со смехом поспешили к нему на помощь, уверяя, что сейчас извлекут коня. Когда они шестами разломали у берега лед, Врангель увидел свою лошадь свободно гулявшей под льдом, — оказалось, что речная вода вытекла и образовала между льдом и дном пустоту.

Находка Матюшкина была явлением того же порядка, с той лишь разницей, что речной лед разрушается в половодье, а здесь, на обсохшем озере, верхний ледяной слой, не растаяв однажды за короткое полярное лето, успел покрыться землей и даже растительностью.

Найдя Чаунскую губу свободной от морского льда, Матюшкин сделал заключение, что отмели, находящиеся при входе в нее, являлись для льда преградой. В море,

недалеко от берега, он заметил уединенный дымчато-серый утес, похожий издали на корабль, идущий в пол-ветра. Матюшкин обошел всю губу и заснял очертания берега, положив их на карту.

Продвигаясь далее вдоль берега моря, Матюшкин пытался проникнуть в область кочевий, но скоро проводник признался, что совершенно не знает, где искать чукчей и их землю.

Не будучи подготовленным к походу в глубокое зимнее время, Матюшкин решил вернуться обратно в Нижнеколымск после шестинедельного похода к Чаунской губе. Так и не поторговав с чукчами, принужден был повернуть назад и Бережной.

На возвратном пути, идя другим маршрутом, караван попал все-таки в пределы чукотских кочевий: на берегу реки Тауншево он натолкнулся на чукчанское стойбище. Путники поспешили туда, но юрты оказались пустыми, хотя ветер не успел еще развеять пепел с мест кострищ.

Встречали они также становища и в других местах, видели домашних оленей, но, тем не менее, сами чукчи были неуловимы. Они скрывались при приближении купеческого каравана.

Путь через горную часть страны был тяжел и опасен, и караван несколько раз находился на краю гибели. К тому же и продовольствия осталось очень мало, а дикие олени, хотя и встречались, но были настолько осторожны при встрече с людьми, что мгновенно скрывались.

Несчастье всего этого похода состояло в том, что, поскольку хозяином каравана являлся Бережной, Матюшкину приходилось до известной степени подчиняться избираемому им маршруту. Такая зависимость была, конечно, следствием того, что врангелевская экспедиция не была достаточно обеспечена средствами, чтобы нанимать людей и содержать собственные караваны.

Выбранный маршрут оказался неудачным. Караван заблудился: вместо лесистых берегов Анюя, где путников ожидали защита от непогоды, жареные на вертеле гуси и жирная уха, он с большим трудом достиг подошвы высокого горного кряжа и остановился на неболь-

шой равнине, поросшей травой. Дикий лук и какие-то коренья, вырытые сопровождавшими его якутами из мышиных нор, послужили всем единственной пищей.

Видя, что надо спасти людей, Матюшкин согласился вывести караван. По наблюдениям и предположениям Матюшкина, они находились в двух днях пути от Малого Анюя. На третьи сутки он обещал привести караван к реке. Эти три дня пути оказались самыми тяжелыми и самыми голодными.

Пока истомленные и голодные люди молча и угрюмо сидели на одном из привалов около костра, один из якутов отозвал Матюшкина в сторону и, показывая из-под полы одежды утку, которую, отстав от товарищей, случайно убил камнем, сказал ему: „Возьми, тайон,¹ и съешь один, ты сильно устал“. Матюшкин поблагодарил якута за его добросердечие и бросил утку в общий котел.

„Хотя похлебка наша была очень водяниста и каждому из нас досталось по самому незначительному кусочку утки, — вспоминал Матюшкин, — однако свежая пища несколько подкрепила наши силы. Зато, кроме перьев, от утки ничего не осталось: не только внутренности, даже кости ее были нами съедены“.

Голод донимал людей каравана, и Матюшкин рисует тяжелое состояние своих спутников, не упоминая ни слова о том, как переносил он его сам.

Так добрались они до цепи высоких холмов, с трудом взобрались до их вершины, и тут перед их глазами развернулась обширная долина с разбросанными по ней группами деревьев.

„Как на море после долгого и трудного плаванья, — говорит Матюшкин, — крик „Земля! Земля!“ возбуждает радость и деятельность на корабле, так и здесь вид деревьев подействовал будто электрический удар на утомленных людей. „Лес! Лес!“ — раздалось со всех сторон, и мы радостно погнали лошадей вперед. Малый Анюй, а с ним и конец наших страданий, были недалеко“.

И действительно, в первом же озере, встреченном на пути, удалось в поставленную на ночь сеть поймать

¹ Начальник.

трех крупных и несколько мелких рыб. Лишениям путников пришел конец.

Подойдя к соединению Анюя с р. Шитучиной, спустили сеть. Через час сеть стала тонуть... Ее поспешили вытащить и нашли в ней до двухсот рыбин. Их варили, жарили, и, благодаря крепкому морозу, удалось даже заготовить строганину.¹ В последующие ловы удалось за одну ночь выловить 800 рыбин, а еще через несколько дней—2000 рыбин.

Такой обильный улов объяснялся тем, что караван вышел на Анюй как раз в то время, когда рыба, выходя из мелких притоков, промерзающих иной раз зимой до самого дна, ищет глубоких мест.

Весь улов путники не могли унести с собой, поэтому, помня весь ужас голода, Матюшкин распорядился устроить склад мороженой рыбы для тех обитателей края, которые не будут иметь такой удачи.

На двух соседних лиственницах была построена сайба;² в нее и было сложено около пяти тысяч рыб, которым, в виду наступивших морозов, не грозила порча. Подле сайбы поставили большой деревянный крест в качестве указателя.

Впоследствии два чуванца рассказали Матюшкину в Нижнеколымске, что целое семейство их соплеменников, выгнанное голодом на Анюй в поисках рыбы, не нашло ее, но, заметив крест-указатель, а по нему и сайбу с рыбой, питалось ею в течение нескольких месяцев.

В свою очередь, в дальнейшем своем пути, найдя такую же сайбу с оставленным ушедшими чуванцами запасом меховой одежды, путники позволили себе взять из нее по меховой рубашке, паре рукавиц и сапог, оставив там в обмен достаточное количество табаку, пороха и свинца для пуль.

Здесь был поставлен второй крест, ребром перекаладины указывавший направление к сайбе с рыбой. „Такие простые указатели попадаютсЯ весьма часто в странах, где кочуют сибирские народы, — замечает Матюш-

¹ Мороженная рыба, употребляемая в пищу в настроганном ножом виде.

² Род амбарчика.

кин. — Несмотря на видимую недостаточность подобных указателей, они бывают совершенно понятны для туземцев и всегда достигают своего назначения“.

Пересекая несколько раз Анюй, караван продвигался на запад и чем чаще встречал чукчей, тем больше выяснялось бедственное их положение: по берегам обоих Анюев и Колымы свирепствовал голод. Оленья охота и рыбные промыслы были осенью неудачны, и как анюйцы, так и колымчане с трепетом ждали наступления голодной зимы.

НА ПЛОТУ ПО МАЛОМУ АНЮЮ

Оставшееся до зимы время Матюшкин решил посвятить исследованию и описанию Малого Анюя до Нижнеколымска, на протяжении 500 верст.

Облегченно расстался он со своим случайным спутником Бережным и предпринял своеобразное плавание вниз по реке на плоту. Этот способ передвижения был совершенно новым для полярного путешественника.

Из осиновых бревен, связанных ивовыми прутьями, построили плот, снабдив его двумя веслами с широкими лопастями. Наступил сентябрь, когда Матюшкин пустился в плавание на этом нескладном пловучем сооружении. На этот раз его спутником и лоцманом явился подросток-юкагир, за услуги которого он отдал его отцу свое ружье и огнеприпасы.

Парнишка был неплохим стрелком из лука и даже сумел сразить с плота стрелой дикого оленя, показавшегося на берегу. Привязав тушу оленя на буксир к плоту, продолжали плавание до скалы Черевок, около которой находилось летовье юкагиров. Но ни людей, ни огня здесь не оказалось, что было тем досаднее, что ни у Матюшкина, ни у парнишки не оказалось огнива. Пришлось провести зябкую ночь в пустом юкагирском балагане.

Плот оказался не только неудобным, но и мучительным средством передвижения: он не слушался весел, беспрестанно задевал за камни и то вертелся среди реки, то шел кормою вперед. На крутых порогах плот зарывался в воду, и она окатывала пассажиров.

При толчках то и дело приходилось падать на четвереньки, цепляться за мокрые бревна, чтобы не упасть в реку.

На третий лишь день они увидели на берегу дым и, радуясь, поспешили туда в надежде встретить людей. Не тут-то было: и здесь людей не оказалось, но зато в остатках костра, оставленного охотниками или рыбаками, нашлось несколько еще тлеющих угольков; они выручили исхоладовавшихся и мокрых плотовщиков. Разведенный костер обогрел их, обсушил, дал возможность сварить оленину.

Далее пошли места, уже знакомые Матюшкину по предыдущему его путешествию с доктором Кибером: гора Обром, на которую он делал восхождение, еще далее — Плотбище и другие селения. Но тогда в них теплилась жизнь, а теперь от них веяло смертью: в опустевших хижинах гнездились лесные птицы, кругом рыскали голодные волки, а прежние обитатели их рассеялись по тундре в поисках пищи. Если кому-нибудь из них случалось подстрелить оленя, он съедался людьми без остатка, вплоть до шкуры, даже кости шли в пищу, так как их сушили и перетирали в муку. Таким образом даже голодному волку не оставалось чем попользоваться после человека.

В поселке Матюшкин встретил знакомую семью юкагира Коркина, еще в прошлом году гостеприимно угощавшего его и Кибера. Теперь этих людей нельзя было узнать, — до того они изголодались и истощали. Тем не менее, и на этот раз Коркин оказал Матюшкину помощь, предоставив в его распоряжение свой карбас вместо пришедшего в полную негодность плота.

Опасаясь ледостава, Матюшкин торопился закончить свое путешествие. В поселке Молоткова он взял в карбас семь собак с нартой. Скоро они пригодились.

Когда начался ледостав и продвижение карбаса стало невозможным, путешественники построили на Русском острове, поросшем высокоствольным лиственным лесом, шалаш из шестов и ветвей. Это легкое сооружение они покрыли сверху слоем мха и снега и затем облили водой. По словам Матюшкина, „получилось

довольно прочное и теплое жилище“, в котором и поселился бывший лицеист со своим юным лодчманом.

А когда окреп лед на реке, стало возможным продолжать путь, на этот раз в собачьей упряжке. Не обошлось и без происшествия: пришлось выкупаться в проломе треснувшего льда; к счастью, все обошлось благополучно.

24 сентября вернулся Матюшкин в Нижнеколымск, совершив 94-дневное путешествие на лошадях, на плоту и на собаках.

В ПОИСКАХ НЕИЗВЕСТНОЙ ЗЕМЛИ

Экспедиция Врангеля 1820—1824 годов, как известно, имела целью „осмотр берегов Ледовитого моря от Индигирки до залива Колючинского и отыскание предполагаемой неизвестной земли“. Поиски ее велись с большой настойчивостью и производились с большим риском для жизни их участников.

Чукчанский старшина из Чаунского залива рассказывал Врангелю, что „между мысом Эрри (Шелагским) и Ир-Кайпио (Северным), близ устья одной реки, с невысоких прибрежных скал в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие, покрытые снегом горы, но зимою однако же их не видно. В прежнее время, вероятно оттуда, приходили с моря большие стада оленей, но, преследуемые чукчами и волками, теперь они не показываются“. По мнению старшины, виденные им с берега материка горы находятся не на острове даже, а на такой же обширной земле, как и его родина—Чукотка.

Эту-то землю и отыскивала экспедиция.

Всего ледовых рейдов было четыре. Самым дальним был тот, когда исследователи проникли на 250 верст к северу от материкового берега. Дальнейший путь преградили огромные полыньи, пересекавшие путь, чудовищные нагромождения торосов, рассол, покрывавший поверхность льда.

Более успешными по своим результатам были обследование и съемка Медвежьих островов, когда Матюшкин проявил большую настойчивость и старание. Так,

для описи Четырехстолбового острова он объехал его на нартах кругом, и позже по его описи была составлена карта этого острова со всеми его физико-географическими особенностями.

Матюшкин был незаменимым участником экспедиции. В отчете Врангеля часто встречаются фразы, вроде: „Накануне направил я Матюшкина на двух нартах с провизией на пять дней в северо-восточном направлении для исследований“.

Врангель, описывая третий рейд по морскому льду, говорит, что, не решаясь продолжить путь дальше и намереваясь уже вернуться, он все же, „желая устранить причины упрека себе в поспешности (возвращения), поручил Матюшкину, на усердие и распорядительность которого можно было совершенно положиться, ехать в пустой нарте с двумя проводниками к северу с тем, чтобы более увериться: можно или нет проникнуть еще далее?“

Последний отправился 10 апреля.

Об этом рейде Матюшкина Врангель сообщает:

„Он переходил через множество высоких, почти неприступных торосов, переправлялся через открытые полыньи и, несмотря на легкость пустой нарты, переехал еще только 10 верст в прямом северном направлении. Наконец, разломанный лед и открытое море перерезали ему дорогу. Здесь был он свидетелем явления, возможного только в полярных странах, с которым обыкновенный ход льда даже на величайших и быстрейших реках не имеет никакого подобия: Ледовитое море свергало с себя оковы зимы. Огромные ледяные поля, поднимаясь почти перпендикулярно на хребтах бушующих волн, с треском сшибались и исчезали в пенящейся пучине и потом снова показывались на изрытой поверхности моря, покрытые илом и песком. Невозможно представить себе что-нибудь подобное сему ужасному разрушению. Необозримая мертвая, одноцветная поверхность моря колеблется; ледяные горы, как легкие щепки, возносятся к облакам; непрерывный громовой треск ломающихся льдин смешивается с плеском бушующих волн, и все вместе представляет единственную в своем роде, ни с чем несравнимую картину. Итак, путь на

север был нам отрезан. Возвращаясь, Матюшкин во многих местах не находил более следа своих саней и видел вместо него большие пространства, покрытые водой“.

Так, со слов Матюшкина, живописал его ледовую разведку начальник экспедиции, воздержавшийся от нее сам.

Далее в его описании мы встречаем:

„Апреля 19-го отправил я Матюшкина с поручением исследовать старые торосы и поискать еще прохода на север. Он возвратился с известием, что хотя и трудно, но возможно однако же проникнуть в сем направлении далее. Мы тотчас же собрались в путь“.

„Матюшкин и штурман Козьмин 25-го апреля, рано по утру, отправились на одной легкой нарте искать прохода на восток“.

Когда исследователи вернулись, наконец, из этого трудного рейда, то, — по словам Врангеля, — радостно поздравляли друг друга со счастливым окончанием трудов. „С истинным удовольствием исполняю я здесь сладостную для меня обязанность выражением искренней благодарности моим ревностным спутникам: мичману Матюшкину и штурману Козьмину за их неутомимое усердие в продолжение всей разведки. Только их деятельности и терпению обязан был я тем, что наши проводники, следуя их примеру, охотно и без ропота переносили все труды и опасности“.

„Апреля 9-го, — записывает Врангель, — небо покрылось темными тучами; сильный западный ветер поднял метель; холод значительно усилился. Матюшкин поспешил воспользоваться благоприятным временем [морозом] и поехал на трех нартах, с провиантом на 15 дней, к северу в море, а я с Козьминым и доктором Кибром, на четырех нартах, с запасом на 13 дней, продолжал опись берега“.

„Апреля 23-го оставили мы мыс Ир-Кайпий, направили путь на запад и достигли на следующий день места, откуда Матюшкин предпринял путешествие по льду для отыскания предполагаемой северной земли. Здесь нашли мы большой деревянный крест, на котором была прибита записка Матюшкина, уведомлявшая нас, что огромные полыньи со всех сторон пересекали ему

дорогу по морю, так что после многих тщетных попыток он принужден был обратиться назад, удалившись от берега не более, как на 16 верст“.

Все эти факты свидетельствуют, что Матюшкин проявил необычайную энергию и большое мужество, когда проходил во время полярной экспедиции „вечный лед полуночных морей“.

Но сказанным не ограничивалась роль Матюшкина в экспедиции. Как человек хорошо рисующий, он сделал целый ряд зарисовок полярных сияний. В „Прибавлениях“ к путешествию Врангеля приложено 13 литографированных рисунков северных сияний, сделанных Матюшкиным с натуры карандашом. Кроме того, он составил весьма обстоятельное „Собрание слов чуванского и омокского языков“.

НАХОДКИ МАТЮШКИНА

Во время пребывания своего на Шелагском мысу Матюшкин встретился с тем же чукотским старшиной Камакай, который через переводчика рассказывал ему много занимательного о своей стране и народе и, в связи с этим, припомнил, что еще отец передавал ему, что в тундре, к востоку от устья Веркона, чукчи натолкнулись однажды на остатки хижины, построенной русскими, спасшимися с разбитого у этих берегов большого корабля. Чукчи нашли в ней несколько человеческих скелетов и черепов, обглоданных волками и песцами, а также немного провизии, табаку и большие паруса, которыми была обтянута вся хижина. Неподалеку от нее лежали наковальня и другие железные вещи.

Сведения эти заинтересовали, конечно, молодого моряка и вызвали в нем желание посетить тундру. И действительно, он нашел в указанном месте остатки хижины, которая по типу постройки могла принадлежать только русским. Повидимому, она не была построена наспех, а представляла собой прочное зимовье.

Хотя Матюшкин не нашел каких-либо новых признаков для определения, когда и кто построил зимовье, но самое время (1764—1765 годы), когда, повидимому, случилось рассказываемое старшиной происшествие,

привело его, знавшего историю исследований Арктики, к догадке, что здесь именно нашел свой конец смелый русский мореплаватель Никита Шалауров, посещавший в означенный период эту часть Ледовитого океана.

Шалауров в своем упорном стремлении пробиться на восток и выйти в Тихий океан вторично обогнул Шелагский мыс, потерпел у пустынных берегов кораблекрушение и принужден был зимовать в четвертый раз за все многострадальное свое плавание.

Имя этого исследователя северо-восточного прохода было известно по всей Сибири и заняло прочное место в летописях полярных путешествий. Все говорило за то, что это зимовье было его последним приютом.

Вторая находка Матюшкина была весьма оригинальна своим происхождением и местонахождением.

Однажды он отправился в пробный рейд на собачьей упряжке из острога в сторону тундры. Подражая окрикам каюров, моряк, вооруженный остолом (длинным шестом), гнал свою упряжку по плотной снеговой пелене тундры. Для свежих собак, не изнуренных еще походами, было пустяком пересечь равнину и доставить своего пассажира к опушке редколесья в 10 верстах от острога.

Это был лиственничный лес. Но он имел жалкий вид: худосочные, тонкие, с искривленными стволами деревца его вмерзли в тундровую топь. Проехать через этот лес призрачных, уродливых деревьев ничего не стоило. Наконец, что-то замелькало сквозь редкие стволы деревьев. Что-то черное, большое... Скалы в тундре?.. Огромные гранитные валуны?..

Не может быть. Здесь, в тундре, нигде не видно было камней, валунов, скал.

Матюшкин направил упряжку к странным черным силуэтам в окружении серо-пепельных стволов лиственниц.

Приблизившись к ним, моряк, не веря своим глазам и помня о проказах полярных миражей, делающих иногда из мухи слона, стал угадывать в профиле этих силуэтов очертания корабельных корпусов... И действительно, подъехав к ним вплотную, он увидел два корабельных корпуса, находившихся неподалеку один от другого. Один из них был довольно крупным, другой поменьше.

Они были похожи на туши черных китов, выброшенных на берег морским прибоем.

Привязав собачьи упряжки к деревьям, моряк пошел осматривать кладбище кораблей. Один из них стоял на киле, поддерживаемый окружающими лиственицами, другой лежал на боку, но оба были в довольно хорошем состоянии и не носили следов разрушения, хотя рангоут их был поломан. На корме судов он прочел их названия: „Пал...“ и „...шна“. Матюшкину, знавшему судьбу полярной экспедиции Биллингса-Сарычева, работавшей здесь за 50 лет до того, нетрудно было восстановить эти названия. Это были „Паллас“ и „Ясашна“ — корабли этой экспедиции.

Вдавлив своей тяжестью зыбкий покров тундры, корабли покоились на подстилавшем ее слое вечной мерзлоты. Раскрытые люки зияли пустотой. То, что кузова кораблей не сгнили и не разрушились за истекшие полвека, объяснялось отсутствием в полярных областях бактерий, что позволяет древесине сохраняться очень долгие годы и превращаться не в прах, а в окаменелость.

Но как они сюда попали? Пока что это было загадкой.

Наступала Колымская весна. Отшумели зимние пурги. Миновала стужа. Матюшкин с прибывшим в декабре Врангелем успели уже совершить санную экспедицию к Баранову Камню и Шелагскому мысу, пробыв в пути 57 дней и пройдя туда и обратно 1355 верст. Вернувшись в Нижнеколымск, они готовились к новым походам.

Все жители острога рассеялись уже по лесам и тундрам на промыслы. В местечке оставались только два постоянных жильца: инвалид-казак и старуха-мещанка, встретившая, по обыкновению, моряков вкусным горячим пирогом. Своими услугами и заботами она старалась загладить у них воспоминания о только что пержитых трудах и лишениях.

10 мая пошел первый дождь, но вскоре после того выпал глубокий снег. 17 мая в местах, прогреваемых солнцем, показалась молодая трава, радуя глаз своей зеленью. 22-го тронулся по Колыме лед, сковывавший ее в том году 259 дней. Река вышла из берегов, стала

затоплять поселок и вынудила моряков оставить избу и переселиться со всеми собаками, вещами, снаряжением и припасами на ее плоскую крышу.

Здесь, привязав к астрономической башне карбас и ялик, как на уединенной скале среди бушующего моря, ожидали они конца наводнения. В случае угрожающей опасности при дальнейшем подъеме воды, решено было спастись на карбасе и ялике на Пантелеевскую сопку, представлявшую даже при самой высокой воде надежное убежище.

Обыкновенно перед уходом на летние промыслы жители Нижнеколымска выставляли все свое движимое имущество на крыши, и теперь на них можно было видеть ящики, бочонки, сани и прочую рухлядь.

Казак-инвалид со старухой спасались на крыше избы, отстоявшей в недалеком расстоянии от „штаб-квартиры“ моряков, с астрономической башни которой прекрасно видно было, что поделявали эти единственные постоянные обитатели поселка. У них тоже был челнок, плававший на привязи на уровне плоской крыши.

Инвалид не дремал. Наученный горьким опытом голодовок, он приспособился своей мережкой ловить рыбу, закидывая ее в „колымское море“, широко разливавшееся по тундре и уходившее в безбрежную даль.

Половодье — самое лучшее время для лова рыбы, и дед то и дело закидывал мережку, временами вытаскивая трепещущую серебром добычу.

Запасливые старики имели на своем „острове“ топливо, поэтому, без опасения „спалить“ избу, разводили костер и варили себе в подвешенном на треноге котле уху.

Моряки, не евшие горячего уже три дня, завидовали находчивости деда и бабки.

И только теперь, невольно обозревая „море колымское“ и видя всю мощь и силу разлива, они разгадали тайну кладбища кораблей.

Вот так же случилось однажды весной наводнение, быть может еще более грандиозное. Суда биллингсовской экспедиции, стоявшие у Среднеколымска, сорвало с якорей и понесло вниз по Колыме.

Так, не разлучаясь, корабли плыли до Нижнеколымска, где их и занесло течением в сторону тундры. Зацепившись на исходе половодья за верхушки лиственничного

леса, они остановились, а когда вода спала, то мирно опустились среди леса на землю. Здесь и нашли они свой вечный покой, никем не тревожимые и всеми забытые, в том самом положении, в каком нашел их зимой Матюшкин.

ПОСЛЕДНИЙ ДРУГ ПОЭТА

Чтобы закончить эскиз портрета Матюшкина, нам остается бегло проследить дальнейшие этапы его военноморской деятельности.

После четырехлетней полярной экспедиции, в августе 1825 года, он отправился, уже в чине лейтенанта, во второе кругосветное плавание, на этот раз на шлюпе „Кроткий“ под командованием того же Врангеля.

Затем наступили годы плаваний в качестве вахтенного начальника на эскадре Гейдена в Средиземном море и позже, в 1829 году, участие в блокаде этой эскадрой Дарданелл и Константинополя.

С 1830 года мы видим его командиром брига „Ахиллес“ на эскадре Рикорда, сподвижника знаменитого В. М. Головнина, крейсировавшей в Средиземном море.

Здесь следует отметить, что в течение первых четырнадцати лет своей морской службы (по 1831 год) Матюшкин сделал 18 морских кампаний.

Затем он командовал в Балтийском море фрегатом „Амфитрида“, потом снова в Черном море 44-пушечным фрегатом „Браилов“, с которым участвовал во взятии Туапсе. Далее получил командование кораблем „Варшава“, на котором плавал из года в год в течение 10 лет по Черному морю, занимаясь (за отсутствием боевых дел) обучением команды и перевозкой грузов из одного порта в другой.

„За сохранение корабля „Варшава“ в течение 10 лет в целости и без аварий“ Матюшкин получил награду.

Однако ему надоело состоять столько лет „ломовым извозчиком“, и он просит перевода в Балтийский флот.

С переводом на Балтику в 1849 году его служба здесь, как боевого моряка, понадобилась вновь в 1850 году, во время войны Дании с Гольштинией, когда он был назначен блокировать тремя русскими судами Кильский залив.

После 34 лет службы на кораблях, с 1852 года Матюшкин нес уже береговую службу в различных военно-морских административных должностях, дослужившись до чина вице-адмирала и звания сенатора.

По отзывам современников, до конца жизни он отличался веселым, живым характером, вследствие чего, как и в юные годы, пользовался любовью товарищей. Для своих преклонных лет он был еще бодр, и лишь полярные путешествия оставили у него следы ревматизма.

Федор Федорович Матюшкин надолго пережил своего сверстника Пушкина. Старый моряк скончался 73 лет от роду (в 1872 году) и до этого был свидетелем, как постепенно уходили „под гробовые своды“ его бывшие лицейские товарищи. Он пережил всех, кого любил великий поэт, и оказался как раз последним из них, дожив до глубокой старости и встретив день лицейской годовщины в одиночестве, не выходя по слабости из номера в гостинице Демут, где провел последние свои годы. А ведь Пушкин, заглядывая когда-то в будущее, пытался угадать:

Кому из нас под старость день лицея
Торжествовать придется одному?

И заранее жалел того из них, на долю которого падет этот жребий:

Несчастный друг. Среди новых поколений
Доучный гость, и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...

Этот жребий пал на Матюшкина. Правда, из 29 лицейстов первого выпуска старого моряка пережили еще трое: Горчаков, Комовский и Корф, но эти трое ни в какой мере не являлись друзьями Пушкина.

Таким образом, несомненно, что именно Матюшкин оказался последним „несчастливым другом“ поэта.

Именем Матюшкина Врангель назвал один из мысов Чаунской губы.

СОДЕРЖАНИЕ

Путь в Арктику	5
Первое знакомство с чукчами	7
Путешествие по Большому Анюю и Малому Анюю	11
К Чаунской губе	14
На плоту по Малому Анюю	21
В поисках неизвестной земли	23
Находки Матюшкина	26
Последний друг поэта	30

Ответственный редактор *В. К. Аncyфepов.*

Техн. редактор *А. А. Соловейчик.*

Корректор *О. В. Силаева.*

Сдано в набор 7 декабря 1939 г.

Подписано к печати 14 февраля 1940 г.

Бум. 82×108₃₂. Печ. л. 2. Бум. л. 1₂+1 вкл. Уч.-авт. л. 2. 152 000 тип. зн. в 1 б. л.

Леноблгортит № 256.

Тираж 10 000.

Инд. П-231.

Зак. № 3971

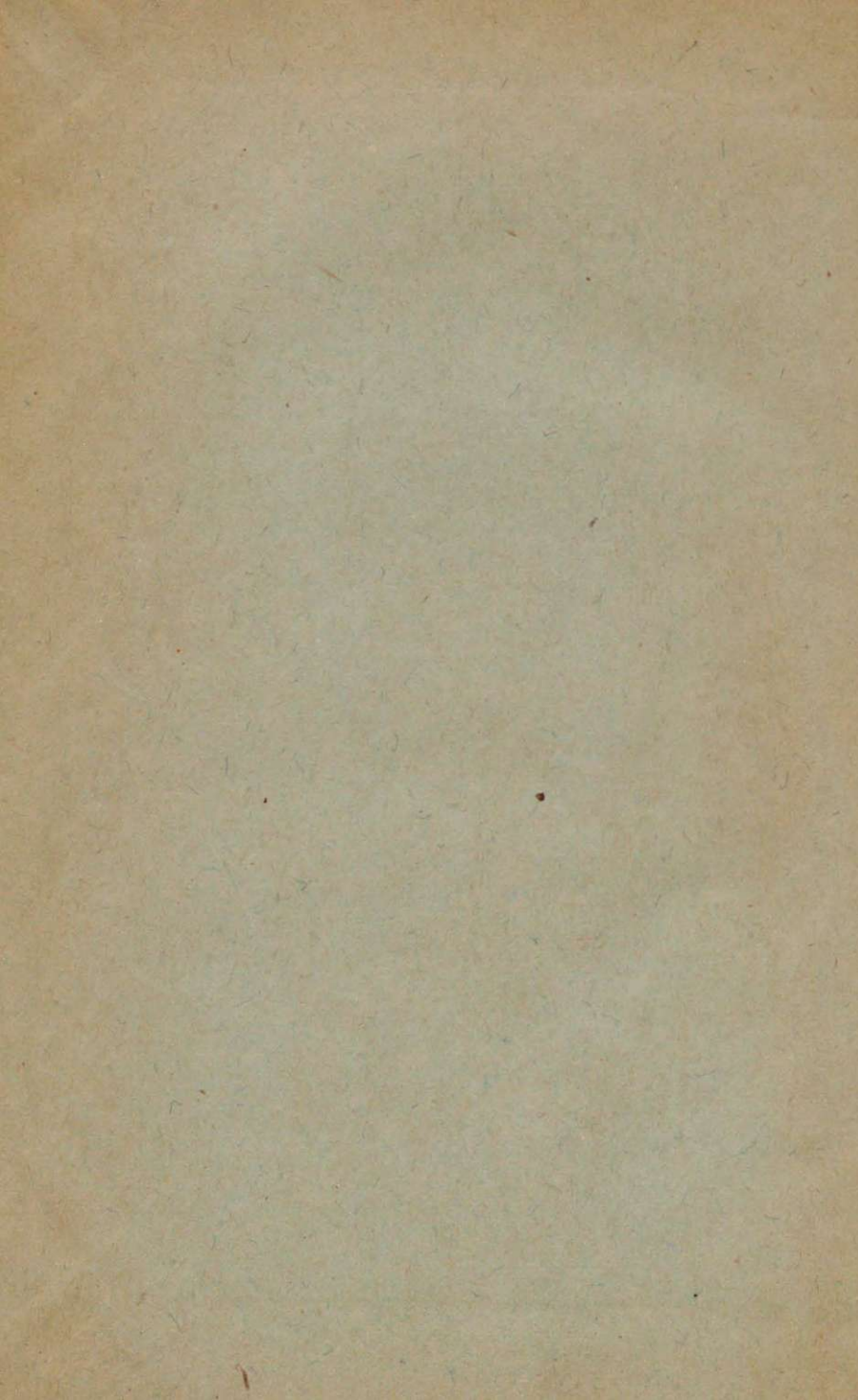
Типография „Коминтера“, Ленинград, Красная ул., 1.

83

Цена 60 коп.

91027

2007079506